

ШЕРЛОК ХОЛМС, ОХОТНИК И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Е. А. Жарков

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
flash45@yandex.ru

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда
№ 25-28-00879, <https://rscf.ru/project/25-28-00879/>

Цель работы состоит в осмыслении проблематики символической власти научного знания, а также поиске характерных форм её реализации. К ключевым методам исследования относятся компаративистский анализ, историко-научный и историко-культурный подходы. Кроме того, в методологическую орбиту включаются элементы анализа повседневности и анализа кейсов. В качестве основы, раскрывающей суть концепции символической власти, используются идеи П. Бурдьё, связывающие актуализацию данного типа власти с конструктивистской ролью высказываний («творение вещей с помощью слов»). Подчёркивается связь идей Бурдьё с представлениями о вездесущности власти М. Фуко. На примере экспертной роли учёных как особых высказывающихся акторов обсуждается проблема соотношения действительной и символической власти научного знания. Продемонстрировано, что символическая власть присуща учёным в качестве неотъемлемого элемента, в то время как обладание действительной властью оказывается сильно зависимым от контекста. В связи с этим одной из атрибуций символической власти выступают non-human акторы – продукты науки и технологий, встроенные в мир повседневности. Они не только символизируют действенность тезиса «Знание ↔ Сила», но в определённом смысле обладают настоящими властно-экспертными функциями. Обсуждается символическая специфика образа «башни из слоновой кости», выражаемая одним из его архитектурных (геометрических) атрибутов – возвышенностью. В контексте прогностической силы высказываний учёных относительно практического потенциала научных открытий или возможностей реализации технических идей выделяется два модуса возвышенности: взгляд «свысока» (скептический) и взгляд «вдаль» (визионерский), олицетворяющие сложные грани властных отношений учёных как со своими собственными знаниями, так и с «внешним миром». В качестве философского образа, эксплицирующего властные оттенки научного познания, рассматривается процесс Охоты. Властность здесь относится как к собственному эпистемическому полю науки, так и к связи науки и внешнего мира, науки и практики. Заостряется внимание на четырёх процессах, свойственных науке, рассматриваемой в оптике Охоты: преследовании, обследовании, исследовании, расследовании. Проде-

монстрировано, что в роли характерного актора, интегрирующего в своей онтологии различные виды «следований», выступает Шерлок Холмс. Это «культурное высказывание», обусловленное властью и влиянием научного знания и выражающее соответствующую символику. С помощью обращения к классическим текстам А. Конан Дойля показано, что исследовательская деятельность известного персонажа реализуется в пространстве вненаходимой лаборатории. В контексте насущной проблематики современности (неопределённость, искусственный интеллект, технологический алармизм) подчёркивается характерная «гуманитарность» облика Шерлока Холмса.

Ключевые слова: символическая власть, научное знание, «башня из слоновой кости», исследование, расследование, вненаходимая лаборатория, детектив

SHERLOCK HOLMES, THE HUNTER, AND THE SYMBOLIC POWER OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Evgeniy A. Zharkov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
flash45@yandex.ru

An example of a complex interaction in the system “Science, Technology, Society” can serve as a coupling between science and politics, science and power. The study aims to analyze the problematic of the symbolic power of scientific knowledge and to search for characteristic forms of its actualization. The focus is also on the problem of the relationship between real and symbolic power. The history of science and culture, comparative analysis, analysis of everyday life, and case analysis are used as tools. The scientific and theoretical basis of the work is the ideas of P. Bourdieu, who linked acts of manifestation of symbolic power with the role of statements made by different actors of social reality. The similarity of Bourdieu’s position with M. Foucault’s ideas of the totality of power is emphasized. Within the framework of the case of scientific and expert knowledge, the prevalence of the symbolic power of scientists over their real power, which in fact takes place only episodically, is shown. The power-symbolic role of scientific and technological agents is briefly discussed. Like human actors, they are characterized by a dual power role. Aspects related to the interpretation of the image of the “ivory tower” as a location for prognostic statements of scientists are discussed. Here, two polar scenarios are distinguished: skeptical (dismissive) and visionary (strategic). It is demonstrated that in their implementation, subtle relationships of scientists with their “knowledge” and “non-knowledge” are traced. In this regard, visionary scientists (for example, M. Faraday), possessing an implicit socio-technical imaginativeness (Sh. Jasanoff), are most endowed with symbolic power. Four epistemic pro-

cesses inherent in the scientific and practical activity are distinguished: pursuit, examination, research, investigation (inquiry). The features of their interaction in the broad context of the existence of science are discussed. It is demonstrated that a well-known hero, Sherlock Holmes, acts as a special actor integrating various types of “investigations” in his ontology. Currently, he is an entire cultural phenomenon. At the same time, this phenomenon can be interpreted as a “cultural statement” conditioned by the influence of scientific knowledge and expressing the corresponding attributes of symbolic power. Using the analysis of classic texts by A. Conan Doyle, it is shown that Sherlock Holmes’s activity is realized in a distributed space – outsideness (M. M. Bakhtin) laboratory. Here, the crime scene turns out to be the detective’s laboratory location (field laboratory), and evidence and small details acquire the role of laboratory samples, laboratory records. In the context of pressing problems of our time (uncertainty, risks, artificial intelligence), the characteristic humanity of the appearance of the great detective Sherlock Holmes is emphasized, which is another of his significant symbolic elements.

Keywords: symbolic power, scientific knowledge, ivory tower, research, investigation, outsideness laboratory, detective, clue

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-100-121

В последние десятилетия в западной литературе приобрело актуальность направление исследований, известное под аббревиатурой STS – Science & Technology & Society («Наука ↔ Технологии ↔ Общество») [Sismondo 2010]. Целесообразно рассмотреть данное наименование в виде троичной эпистемической схемы, редуцированной до бинарных, асимметричных комбинаций. Например, вариант «Наука → Технологии» отсылает к вопросу о соотношении целей и ценностей фундаментальной и прикладной науки, проблематике технонауки и научной политики. Вариант «Общество → Технологии» эксплицирует возможные особенности технологического уклада общества в зависимости от его социально-экономической и политической систем. Обратный сценарий, «Технологии → Общество» открывает, в частности, дискуссию об этических аспектах технологических изменений.

Примечательными элементами приведённых схем являются даже не используемые понятия, а стрелочки, подчёркивающие множественные аспекты влияния и взаимовлияния, что неминуемо сталкивает нас с проблематикой властного и политического. Безусловно, многое здесь зависит от деталей понимания. Какие именно субъекты выступают в качестве властных акторов? Насколько их воздействие оказывается при этом прямым или косвенным, явным или неявным, сиюминутным или отложенным?

Конечно, в рамках общей проблематики власти и политики подобные вопросы неоднократно обсуждались в литературе. Учитывая акцент множественности взаимовлияний, разумно полагать, что один из самых ёмких ответов на них связан с Мишелем Фуко, придававшим понятию власти вездесущный, всепроникновенный характер. Близкие по духу мысли обнаруживаются и у Пьера Бурдьё, утверждавшего, что власть – это своего рода «круг, центр которого находится повсюду и нигде» [Бурдьё 2007, 88]. Как известно, одной из ключевых задач Бурдьё было исследование проблематики «символического» в генезисе и структуре социальных полей.

Целью же нашего исследования является разработка вопроса о символической власти научного знания, а также поиск и осмысление характерных форм её актуализации.

Действительность и символичность власти научного знания

П. Бурдьё демонстрирует весьма многогранное понимание сути представлений о символической власти. С одной стороны, её носителями выступают элементы символического капитала («имена», титулы, звания и др.) [Бурдьё 2007, 84]. С другой стороны, автор характеризует символическую власть как способность «творить вещи при помощи слов», «конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок», «учреждать данность через высказывание, заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира» [Бурдьё 2007, 89–95]. Кроме того, он наделяет её подчинённым статусом по отношению к другим формам власти. Выделение сторон здесь не подразумевает строгую амбивалентность, а, скорее, напоминает о сложности концептуализации символической власти в свете соотношения субъективизма и объективизма. Заметим, в силу общности формулировки процесс «творения вещей с помощью слов» может предполагать весьма широкий спектр интерпретаций, и это целесообразно выразить в виде следующих вопросов: Какие «слова» (высказывания) приводят к «творениям» и каким? Кем они произносятся? В каких ситуациях? Какую «субъективность» или «объективность» они символизируют?

Так, процесс «творения вещей с помощью слов» вполне может быть представлен экспертными суждениями современных учёных. Безусловно, сам вопрос о соотношении их позиций с принимаемыми действительными властными акторами решениями далеко не тривиален и зависит от контекста. Ключевой момент – кто здесь выступает последней инстанцией?

В эвристических целях выделим два следующих полярных сценария: полноценными властными акторами становятся (1) не-учёные, в той или иной мере являющиеся потребителями научного знания, (2) сами учёные. Данная оппозиция носит схематический характер, поскольку на деле более вероятны различные промежуточные сценарии, топология которых и определит реальное распределение власти, а также характер взаимосвязи власти действительной и символической.

Первый сценарий подразумевает отсутствие у экспертов полноценной действительной власти, что наделяет реальных властных акторов правом принятия или отклонения их позиции по конкретным вопросам. Вместе с тем это никак не умаляет символическую власть учёных, представленную их квалификацией, званиями и регалиями, составляющими атрибутику поля науки как социального института. В случае же согласия «свыше» учёные оказываются со-властными акторами, поскольку участвуют в проектировании практической ситуации. Другое дело, насколько эта власть окажется устойчивой.

В случае же несогласия у учёных остаётся только власть символическая. При этом само отклонение их позиции может носить характер так называемого учёта мнения. Так, в юридической практике известен принцип «свободной оценки доказательств», согласно которому никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В частности, с этим связан парадокс «экспертных свидетельств»¹, обусловленный отсутствием специально научных компетенций у судей, обладающих при этом статусом *iudex peritus peritorum*: «Судья – эксперт всех экспертов» [Carlizzi 2020, 152].

Существенно, что в роли характерных субъектов высказывания – доказательных агентов и свидетелей – способны выступать и нечеловеческие акторы. С одной стороны, их использование носит инструментальный характер, поскольку они находятся в юрисдикции человеческих акторов. С другой стороны, нередко именно им принадлежит последнее слово. Так, сегодня очень распространены камеры видеонаблюдения, например фиксирующие нарушения ПДД и выписывающие штрафы. В футболе применяется система видеопомощи арбитрам (VAR), призванная корректировать огрехи человеческого фактора, хотя особенности её использования и вызывают дискуссии. Интенсивная «камеризация» присуща и современному городскому пространству, иногда описываемому метафо-

¹ Paradox of expert testimony [Carlizzi 2020, 133].

рой «цифрового паноптикума» [Sherman 2023, 1209–1210]. Система наблюдения здесь весьма разнопланова: камеры зданий и помещений, видеорегистраторы автомобилей, стихийное использование камер смартфонов. В последнем случае человеку свойственна особо двоякая роль, поскольку он легко может оказаться как субъектом, так и объектом наблюдения, а засвидетельствованные факты способны обрести существенное медийное и / или юридическое значение.

Сам же смартфон – один из ярчайших символов сегодняшней социотехнической реальности. Это своего рода говорящий агент, воспевающий функциональность тезиса «Знание → Сила». Гаджет имплицитно демонстрирует и элементы символического капитала науки, поскольку в нем, как известно, «защита» не одна Нобелевская премия. Соответственно, гаджет выступает субъектом символической власти научного знания, но речь здесь идёт о символизации его практических результатов, многие из которых стали возможны благодаря многочисленным успехам исследовательской программы в сфере электричества и магнетизма.

Заметим, путь от чистого (фундаментального) научного знания до практических результатов и технологий тернист и слабо предсказуем. Вместе с тем развитие различных институциональных форм науки в XX веке породило некоторые гибридные типы научной активности, нацеленные на решение практических задач с помощью фундаментальной науки. Например, промышленные исследования (*industrial research*) [Bud 2018]. Так, ряд важных открытий в сфере полупроводников, приведших к разработке транзистора, был сделан физиками, работавшими в лабораториях промышленных компаний. Подобные институции – своеобразные «линзы», концентрирующие усилия учёных для превращения возможности в действительность – идей и знаний в рыночные продукты. Сами же знания при этом оказываются символами, конструктами соответствующих возможностей, поскольку отражают элементы возможного (практического) мира [Масланов 2024, 339].

Вместе с тем, несмотря на успехи процессов институционализации науки и её современное постнеклассическое состояние в целом (по В. С. Степину), проблематика осмысления науки как «чистого познания» не теряет своей актуальности. В связи с этим вопрос о соотношении символической и действительной власти научного знания – лишь одно из конкретных её проявлений.

Примечательно, что сама актуализация возможности обладания символической властью некоторым актором говорит об иници-

циации властного действия. Оно носит эпистемический характер, поскольку, являясь исследователями, мы как бы устанавливаем границы определённого предмета. Наша (действительная) власть олицетворяет здесь собственно процесс занятия наукой, в чём и заключается её символичность. Граница же как характерный «символ» наделяется собственно демаркирующей властью¹.

Символическая власть научного знания в «башне из слоновой кости»

Бытие науки в целом сегодня сопряжено с множеством «границ». В связи с уже обозначенным контекстом заострим внимание на двух характерных областях: первая относится к собственному эпистемическому полю науки, вторая – к её взаимодействию с внешним миром. Подобная оппозиция напоминает нам о классическом образе локализации жизненного мира чистой науки – «башне из слоновой кости», наглядность которого обеспечивается очевидной архитектурной коннотацией. Согласно энциклопедическим определениям, «башня – сооружение, для которого доминирующим размером является высота». Таким образом, характерная *возвышенность*, равно как и *стены* (отграничивающие элементы), есть существенный атрибут башни.

Из истории науки известно, сколь непростые отношения у неё порой складываются с внешним миром. Весьма контрастно это выглядит на фоне взаимодействия между наукой и техникой и вопросами практической пользы науки. Хрестоматийный пример: когда в ходе визита к Майклу Фарадею важный представитель британского казначейства спросил о возможной выгоде исследований электричества и магнетизма, великий физик ответил, что, вполне возможно, через некоторое время правительство будет получать от этого выгоду в виде налогов. Из уст Фарадея подобный прогноз звучит как вполне политически нагруженное высказывание, поскольку символизирует и практико-экономические преобразования, и ценность занятий чистой наукой самой по себе. Так или иначе учёный проявил дальновидность и, как, вероятно, мог бы сказать Б. Латур, вышел за пределы своей лаборатории. В словах Фарадея ощущается и акт «символического одаривания» (Ж. Бодрийяр).

Вместе с тем прогнозы учёных относительно возможностей реализации тех или иных технических задумок далеко не всегда оказы-

¹ На семиотической сущности границы как феномена настаивает И. В. Мелик-Гайказян [Мелик-Гайказян 2022].

вались благосклонными. Ещё более полувека назад писатель и футуролог А. Кларк замечал: «Выдающиеся астрономы и физики то и дело попадают в наиглупейшее положение, заявляя во всеуслышание, что такой-то и такой-то научный замысел неосуществим» [Кларк 1966, 18]. Наиболее известные случаи неудачных научных пророчеств учёных связаны с авиацией и космонавтикой¹.

Интересно проанализировать приведённые выше примеры в несколько расширенном смысле, рассматривая их в контексте прогностических последствий высказываний учёных. Используем для этого и образ «башни из слоновой кости». Примечательно, что «возвышенность» как своего рода властный символ проявляет себя при этом особенно амбивалентно. Мы полагаем, это связано со следующими её потенциальными проявлениями: взглядом «свысока» и взглядом «вдаль». Опишем их подробнее.

Первый взгляд («свысока») свойствен учёным, позиционирующим себя истинными знатоками возможного и невозможного в какой-либо конкретной прогностической ситуации. Совершая предсказания, они выходят за пределы «башни из слоновой кости» как изолированной локации, но выход может оказаться недолгим, поскольку опровержение предсказаний фактически возвратит их «назад». Плюс ко всему, в лице общественности это, вероятно, усилит градус представления об оторванности науки от жизни и высокомерии учёных. Заметим, здесь мы сталкиваемся со следующим тонким аспектом: различием между властью учёных как непосредственных акторов и властью самого знания (как отдельной «субъективности»).

Безусловно, в своих прогнозах учёные опираются на определённые представления, теории, парадигмы, фактически терпящие крушение в условиях конкретных практических ситуаций. Данная фальсификация нивелирует первоначальные властные интенции учёных, одновременно передавая пальму первенства власти их же знаний над их же умами. Знания оказываются характерными идолами, когнитивными ловушками, пленяющими трезвость взгляда. Как писал Ф. Бэкон, «...тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждения» [Бэкон 1978, 15]. В нашем случае речь идёт об изобретениях, технических разработках – элементах искусственной природы, также имеющей свои тонкости, а роль рассуждений отводится теориям и парадигмам.

В изложенном сюжете наблюдается ситуация своеобразной «игры» знания и не-знания. С одной стороны, используемые в

¹ Например, в начале XX столетия ученые почти единодушно говорили о невозможности полётов аппаратов тяжелее воздуха [Кларк 1966, 24].

предсказаниях представления на деле оказываются препятствием на путях развития техники. Тезис «Знание → Сила» в этом смысле отражает отнюдь не благодетельную силу авторитета науки. С другой стороны, учёные, искренне убеждённые в правильности своих знаний, вряд ли заслуживают именно строгого порицания, поскольку ошибаются они эпистемически и как бы непреднамеренно¹. Конечно, им вполне можно поставить в укор определённую нехватку мудрости, «учёного не-знания» или эпистемологического оппортунизма. Вместе с тем свобода практиков и изобретателей (в случае их успеха) от скованности теориями и парадигмами – характерное «не-знание», в итоге свидетельствует о его действительной силе.

Второй же взгляд («вдаль») присущ учёным, оказывающимся теми гигантами, на плечах которых так или иначе строится в дальнейшем будущая практическая реальность. В терминах Ш. Джасановфа можно сказать, что им свойствен высокий уровень социотехнической имажинативности [Jasanoff 2015, 5–7], хотя и в весьма интуитивной форме (условно, как у Фарадея). Другое дело, что пример с Фарадеем является, скорее, исключением из правил в том смысле, что великие учёные прошлого нередко весьма скептически относились к практическому потенциалу своих открытий. Например, у Г. Герца такое отношение было к электромагнитным волнам, а у Э. Резерфорда – к ядерным реакциям.

Примечательно, что подобные скептические высказывания, вроде бы явно удерживающие учёных в «башне из слоновой кости», затем растворяются в действительной силе добытого ими знания, приводимой в жизнь уже другими актёрами [Савченко 2025, 79]. Это лишний раз напоминает, что (чистая) наука может преобразовать мир, изначально совсем этого не предполагая («не хотеть – не значит не сделать»), а соответствующие учёные в этом смысле также становятся в ряд гигантов.

Тем не менее именно в контексте власти условный «учёный-визионер» вроде Фарадея все-таки оказывается на ступеньку выше коллег по цеху, скептически или нейтрально относящихся к потенциальным последствиям своих открытий. В первую очередь это обусловлено самим фактом осознания возможного практического «пере-творения» мира. Примечательно, что здесь мы сталкиваемся с представлением об учёном как своего рода «богоподобном»

¹ Здесь специально предполагается отсутствие ангажированных интересов у учёных. Вместе с тем научный подход может быть использован как во благо, так и в завуалированных корыстных целях, и в обоих случаях символический капитал науки будет служить весомым аргументом от авторитета [Шибаршина 2023, 106].

субъекте [Фуллер 2021, 178]. Так, классическая прерогатива Бога – обитание в Высших Сферах (Небо). Чем больше «высота», тем ближе к Божественному Миру. В данном контексте взгляд «свысока» приобретает иной, отличный от пренебрежительного характер и в каком-то смысле сливается со взглядом вдаль. Равно как и наоборот. Оба способа видения вырождаются в единое «со-творяющее» отношение.

Думается, и сам образ «башни из слоновой кости» здесь должен трансформироваться в нечто иное. С одной стороны, оно должно сохранить отграничивающую функциональность, поскольку речь идёт как бы о двух мирах, «небесном» и «земном». С другой стороны, один мир «подчиняет» себе другой, а башня как высокий объект символизирует данное отношение. И все-таки указать конкретный результат трансформации представляется нетривиальной задачей. Вместе с тем здесь обнаруживаются примечательные созвучия с другим известным образом – Вавилонской башней. И. В. Мелик-Гайказян предлагает интерпретацию данного образа в свете анализа деятельности человека в сфере высоких технологий, прототипические зародыши которых обнаруживаются уже в библейском описании её строительства. В частности, речь идёт об использовании кирпичей вместо камней, что является примером замены естественного искусственным. В расширенном смысле подобная замена и означает деятельность «наукоемких технологий», а известные современные проекты (информационное общество, общество знаний) оказываются аналогами проекта Вавилонской башни, олицетворяющими обретение человеком роли конструктора практического мира [Мелик-Гайказян 2016, 94–95].

Современные инновационные и технологические проекты реализуются, как правило, коллективным субъектом, но роли входящих в него акторов не являются равноценными. Перефразируя известное выражение Дж. Оруэлла, можно сказать, что «все акторы властительны, но одни властительнее других». Так, учёные, вынесенные судом истории на роль гигантов, способны, вероятно, достаточно долго пребывать в подобном качестве и сохранять в своих именах «роль личности». Имена станут своеобразными высказываниями, атрибутирующими их символическую власть.

Власть Охотника

В некотором смысле состояние политеизма может быть охарактеризовано в терминах коллективного субъекта – здесь у каждого

«божества» свой удел в виде определённого навыка, ремесла либо стихии Природы. Древнему же человеку было свойственно синтетическое миропонимание: он не обходился как без условного магического мышления, так и без практических знаний, вырабатываемых предками и передаваемых «по наследству» в процессе личного обучения. Человек, живущий вплотную с природой, не мог так или иначе её не исследовать. В роли же «теоретиков» – знатоков правильного и неправильного – выступали вожди и шаманы [Касавин 2000, 55–72].

Примечательный образ шамана содержится в романе Г. Гессе «Игра в бисер». Речь идёт о Йозефе Кнехте, но не проживающем в Касталии («башне из слоновой кости»), а Кнехте-кудеснике, предсказателе, охотнике, описанном в одном из трёх дополнений к роману и олицетворяющем «научно-прогностическую институцию» своего племени. Гессе весьма филигранно изображает вневременные свойства героя, вкладывая в него прототипические черты современного учёного: «Он глядел на рисунки на листьях дерева или на сетчатые линии на головке сморчка и предчувствовал при этом нечто таинственное, возможное в будущем: магию знаков, числа и письменность, сведение бесконечного и тысячеликого к простому, к системе, к понятию» [Гессе 1994, 390].

Несмотря на то, что Кнехт Кастилии и Кнехт-шаман принадлежали к различным жизненным мирам, их объединяет одно существенное обстоятельство: стремление к истине, и к истине практической, связанной с вопросом том, как жить дальше. Кастилийского Кнехта сильно волновала проблематика взаимодействия с «внешним миром», куда он в итоге и мигрировал. Для принятия такого решения ему пришлось пройти длинный путь: изучить множество книг (собрать факты), поучаствовать в дискуссиях, продвинуться по «карьерной лестнице», обдумать немало мыслей и представить письменное обоснование своего поступка – в некотором роде исследовательский вывод. Это позволяет, хотя и в метафорическом ключе, говорить о кастилийском Кнехте как Охотнике. Его «добыча» – правильный для себя «жизненный мир», проникновение в который и символизирует успех Охоты.

На специфику Охоты в контексте проблемы познания обратил пристальное внимание А. Ф. Лосев. Он подчёркивал, что в диалогах Платона часто используется образ Охотника как субъекта, разыскивающего и преследующего истину, а познание в целом описывается как предмет «охотничьего уловления» [Лосев 2000, 295]. Детально разработанная картина подобного процесса содержится в

«Теэтете». Познание описывается здесь Платоном как двухстадийный процесс ловли голубей: сначала необходимо, приложив усилия, поймать голубей (знания) и поместить их в своей душе, а затем продолжить ловлю голубей уже внутри своей души, её успех будет означать обретение полного знания и возможность его использования. Примечательно, что в других диалогах Сократ неоднократно уподобляет участников беседы осуществляющим преследование «ищейкам» [Лосев 2000, 297]. Для нас же существенно, что Охота так или иначе заключает в себе властное действие, а фигура Охотника – символ этой власти.

«Праксис» охоты прослеживается во многих аспектах науки. Например, существуют так называемые магнитные ловушки, используемые для удержания плазмы в задачах термоядерного синтеза. Радиолокатор, разработанный в период Второй мировой войны – вполне «охотничий прибор». В математике существует метод половинного деления, используемый для решения трансцендентных уравнений и основанный на итерационном двукратном уменьшении интервала поиска для улавливания корня.

Полифония «следований»

Очевидно, в процессе Охоты немалая роль принадлежит «следам». А это слово, как известно, содержится в качестве корня в словах «преследование», «исследование», «обследование», «расследование». Рассмотрим данные процессы в переплетённой совокупности в широком контексте «бытия науки».

Так, (современный) учёный, занимаясь *исследованием*, обычно преследует определённую цель. С одной стороны, аспект *преследования* здесь нередко носит формальный характер вроде постановки задачи. С другой стороны, движение к цели в науке может иметь соревновательное значение, когда учёному нужно застолбить за собой право первооткрывателя и опередить конкурентов. Или человек, выполняющий диссертационное исследование, делает обзор проблематики – своего рода *обследование* эпистемической территории, что можно трактовать как интеллектуальную поимку. В терминах Бенгама и Фуко, учёный создаёт тем самым нечто вроде «пан-оптикума» данных и фактов, подвергающихся затем дальнейшему властному воздействию – исследованию.

Заметим – не секрет, что в науке бывают ошибки, случаи принятия желаемого за действительное или намеренно сфабрикованные результаты. Большая надежда здесь возлагается на плечи других ис-

следователей, осуществляющих верификацию эффекта¹, и это, по сути, является актом *расследования*. Тем не менее в этическом плане ключевое значение имеет критическое отношение учёных к своим результатам. Показательным примером здесь служит история открытия реликтового излучения А. Пензиасом и Р. Вильсоном. Получив необычные сигналы из космоса с помощью радиотелескопа, учёные вначале считали их влиянием помех, на роль которых, помимо прочего, претендовал голубиный помёт, обнаруженный на поверхности чаши телескопа. В результате тщательного расследования – анализа всех возможных влияний – учёные все-таки убедились в наличии нового явления [Вильсон 1979, 606].

Подобный эпизод напоминает и о том, что учёный, как Охотник, не только использует «ловушки» в целях исследования (как инструментарий), но и сам в каком-то смысле рискует в них угодить. А они могут проявиться в самых разнообразных «мелочах». Например, плохо откалиброванная измерительная аппаратура, перепутанный образец, случайная примесь, попавшая в колбу с реактивом. Вспоминая Б. Латура – «вещи дают сдачи». Злую шутку, вероятно, способны сыграть с учёным и результаты, описанные в статьях других авторов, если он слишком оголтело использует их в своей работе.

Между тем сама «методическая аналогия» между исследованием и расследованием также имеет давнюю историю, с чем связана юридическая метафора естествознания. Э. Мах сравнивал задачу естествоиспытателя с задачей судьи, вытягивающего признание, вспоминая при этом Ф. Бэкона, называвшего экспериментальный метод допросом природы. И к нему исследователь подходит во всеоружии используемых «для пытки» инструментов и аппаратов [Мах 2001, 43].

Для некоторых научных дисциплин, например криминалистики, задача исследования во многом совпадает с задачей расследования, но лежащей уже в юридической, а не чисто эпистемической плоскости. Конечно, это относится к современной сильно институционализированной науке. Хотя и в более ранние времена учёные иногда посвящали своё время и навыки службе закону. Серьёзных успехов здесь добился выдающийся американский физик Роберт Вуд (1868–1955). Особенно это касалось случаев, связанных с подры-

¹ Конечно, далеко не во всех случаях подобная верификация легко или быстро осуществима. Например, может отсутствовать аналогичный «большой коллайдер» с необходимой исследовательской инфраструктурой и т.п. Более того, в настоящее время в науке наблюдается «кризис воспроизводимости» [Бажанов 2022, 70–71].

вами. Вуду весьма искусно удавалось реконструировать взрывные устройства по исследованию осколков и разнообразных следов, а некоторые его результаты стали предметом научных докладов [Сибрук 1985, 247–265].

Личность Вуда вызывает уважение, поскольку его жизненный мир включал в себя как «базис» – занятие чистой наукой, так и существенную «надстройку» – служение обществу и справедливости. В дискурсе научной политики Вуд – герой и фундаментальной, и прикладной науки, и ему почти в равной мере вольготно как в башне из слоновой кости, так и за её пределами. Но... указанное «почти» и искупается различием «базиса» и «надстройки». «Базис», то есть собственно наука, все-таки существеннее. Вообще говоря, его можно интерпретировать в рамках метафоры «пытки природы», и тогда «исследование» станет «расследованием», но оно, опять же, вырождается при этом в характеристику властного колорита научного метода в собственном эпистемическом поле, теряя связь с обыденным миром.

Таким образом, представляет интерес обратная ситуация, когда в качестве «базиса» выступит расследование – в более прямом, не метафорическом смысле, а исследование будет ему подчинено.

Вненаходимая лаборатория Шерлока Холмса

В контексте обсуждения¹ различных видов «следований» заметим, что обследование, как правило, – первостепенная задача медицины, существенная черта которой – непосредственная пракτικότητα. «Следы» для медика – симптомы и признаки, и они могут обладать различной степенью видимости, зависящей в том числе и от эпистемических установок исследующего. Так, З. Фрейд упоминал, что нередко случается «проявление великого в малом» и что «самые незначительные, скромные явления, так сказать, отбросы из мира явлений служат материалом, над которым работает психоанализ» [Фрейд 2000, 25]. Он проводил аналогию и с процессом рас-

¹ Обсуждение слов (понятий) преследование, исследование, обследование, расследование есть дань семиотике в представленном рассуждении о сущностной основе, на которой «вырастают» знаковые формы, эксплицирующие аспекты взаимодействия науки и власти. Внешнее выражение этого взаимодействия с позиций семиотики дано совсем недавно [Тихонова 2023] и было встречено возражениями, опирающимися на разные реализации семиотического подхода [Вархотов 2023; Мелик-Гайказян 2023]. Кроме того, анализ образа Шерлока Холмса в ракурсе исследования проблематики символической власти научного знания имплицитно содержит новации визуальной семиотики.

следования убийств, подчёркивая, что в подобных случаях следователю необходимо работать со всеми ничтожными признаками.

Самый же известный в мире специалист по анализу ничтожных признаков – Шерлок Холмс. Конечно, с той оговоркой, что это вымышленный персонаж, хотя его прототипом и послужил реальный профессор медицины [Росс 2021, 18, 19]. В настоящее время Шерлок Холмс представляет собой целое культурное явление (Шерлокиана, Холмсиана). Образ великого детектива совсем не теряет актуальности, обрастая все новой фактурой – множеством интерпретаций, адаптаций и схожих персонажей [Naidu 2017; McCaw 2020, 36].

Ореол влияния оригинального образа Шерлока Холмса чрезвычайно многомерен. В первую очередь – популярность самих канонических произведений и вытекающее из этого «пленение» самого автора: ведь для создания новых произведений писателю пришлось «воскресить» своего героя, придав истории его падения с Рейхенбахского водопада иное развитие. Характерным духом власти и влияния пропитана и вся повседневность великого сыщика. Он постоянно шокирует людей своей наблюдательностью и аналитическими способностями. У него множество связей в различных странах, к нему обращаются за помощью персоны, занимающие важные правительственные посты. Так, в рассказе «Обряд дома Месгрейвов» Холмс даёт оценку своей репутации: «Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов» [Конан Дойль 1966а, 93].

С одной стороны, ключевой процесс для Холмса – расследование. С другой стороны, по характеру работы он часто действует, как учёный [Ward, Orbell 1988, 15; Buchmann 2020], хотя и не является им в полном смысле. В ходе одного из разговоров с Ватсоном (повесть «Знак четырёх») он утверждает: «Расследование преступления – точная наука, или по крайней мере должно ею быть» [Конан Дойль 1966б, 153]. Здесь расследование и есть тот «базис», которому подчинена «надстройка» (исследование), но имеющая при этом весьма глубокое содержание. Холмс не только рьяно занимался самообразованием в различных областях знаний, но и публиковал результаты собственных исследований [Конан Дойль 1966б, 154].

Тексты Конан Дойля демонстрируют насыщенное разнообразие жизненного мира Холмса, обусловленное «топологическим сплетением» деятельности расследования и исследования, что хорошо иллюстрируют следующие слова доктора Ватсона: «Комнаты наши были вечно полны странных предметов, связанных с химией или какой-нибудь уголовщиной» [Конан Дойль 1966а, 91]. В этой свя-

зи интересно взглянуть на жизненный мир Шерлока Холмса в оптике понятия *лаборатории*, прочно вошедшего в настоящее время (во многом благодаря Б. Латуру) в оборот эпистемологии науки и STS-исследований.

В рамках исследования эпистемических аспектов понятия научной лаборатории автором настоящей работы было введено представление о *внеаходимости* как свойстве, выражающем пространственное распределение, специфику лаборатории как локации научно-технических практик [Жарков 2020, 184–186]. Апелляция к внеаходимости расширяет классический образ научной лаборатории, связанный с представлением о ней как специально-оборудованном месте для осуществления опытов и экспериментов.

Исследовательская деятельность Холмса осуществляется как в стационарной лаборатории – в его квартире, так и на местах преступлений и в связанных с ними локациях. В свете внеаходимости место преступления также принимает статус *лабораторной локации* сыщика, становясь полевой лабораторией¹, а улики обретают роль *лабораторных образцов, лабораторных записей*. Более того, внеаходимая лаборатория Холмса оказывается пространством интеграции всех типов следований. Так, процесс «преследования» свойствен Холмсу в самой явной форме: он участвует в погонях и задержаниях, а его любимое оружие – охотничий хлыст. Кроме того, полевая лаборатория Холмса иногда выступает и в роли «театральной сцены», на которой разыгрывается кульминация раскрытия дела. Как описывает доктор Ватсон, после демонстрации одной из подобных разгадок, сильно восхитившей присутствующих, «Холмс поклонился, как кланяется драматург, вызванный на сцену рукоплесканиями зрителей» (рассказ «Шесть Наполеонов») [Конан Дойль 1966в, 429–430].

Холмс не принадлежит к типичным обитателям «башни из слоновой кости» и не смотрит на окружающий мир «свысока». Наоборот, ему свойствен выраженный взгляд «вдаль», в котором, в свою очередь, просматривается два измерения. Первое олицетворяет одну из ключевых целей (результатов) его работы – восстановление картины произошедших событий, своего рода «ретроспективное пророчество» [Росс 2021, 115]. Второе же носит проективно-стратегический характер, ведь детектив фактически выступает апологетом тезиса «Знание → Сила», стремясь к полноценному «онаучиванию» сыскного дела. Чувствуется в Холмсе и нечто от образности мудреца-шамана: он встроен в некоторую социальную действительность, но занимает в ней особенное положение.

¹ И локаций обследования.

Итоги

Тот факт, что Шерлок Холмс в настоящее время – яркое культурное явление, свидетельствует о его символической нагруженности, достигшей определённой точки роста¹. Это культурное явление, обусловленное влиянием научного знания. Более широко – онто-эпистемическим значением науки как символической формы (Э. Кассирер). В подобном смысле «Шерлок Холмс» – мощное высказывание науки в культуре, олицетворяющее её символическую власть. Кроме того, оно повлияло и на саму науку, поскольку Холмс стал предметом исследований и даже идейным вдохновителем такого известного подхода, как «уликовая парадигма» (К. Гинзбург). Таким образом, можно говорить о цепочке влияния «Наука → Культура».

На страницах же канонических произведений Шерлок Холмс – актер действительной власти, воплощающий в себе индивидуальную экспертную институцию и безотказный механизм правосудия. И все-таки, несмотря на всю его аналитичность, сметливость и эффективность, великий детектив – «человеческий» актер, и даже «слишком человеческий», поскольку, например, от отсутствия интересных дел легко впадает в хандру. И это в нашу эпоху роста влияния искусственного интеллекта и технологий в целом делает его особенно привлекательным. Вместе с тем, если уж у Холмса появляется дело, к нему он подходит энергично и во всеоружии света разума.

Мы полагаем, в этом смысле он может служить хорошим ролевым примером как для учёных, так и вообще для всех людей, пытающихся осмысливать окружающую действительность или стоящих перед практическими проблемами. Сегодня вокруг нас много различных неопределённостей, всевозможных «пост»-явлений, взаимодействовать с которыми нелегко, но, возможно, иногда будет полезным прибегнуть к ментальному дистанцированию от запутанных ситуаций, чтобы увеличить свой «обзор» и тем самым попытаться прийти к верному решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бажанов 2022 – Бажанов В. А. Затрагивает ли кризис воспроизводимости математику? // *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27, № 1. С. 70–83.

¹ «Символы растут» (Ч. Пирс).

- Бурдьё 2007 – Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.
- Бэкон 1978 – Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
- Бархотов 2023 – Бархотов Т. А. Неконвенциональное согласие: как мы все еще мыслим вместе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 313–318. doi: 10.17223/1998863X/75/27
- Вильсон 1979 – Вильсон Р. Космическое микроволновое фоновое излучение // Успехи физических наук. 1979. Т. 129, № 4. С. 595–613.
- Гессе 1994 – Гессе Г. Игра в бисер // Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Прогресс-Литера; Харьков: Фолио, 1994. Т. 5. С. 7–466.
- Жарков 2020 – Жарков Е. А. Лаборатория как вненаходимая сущность // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. С. 175–190.
- Касавин 2000 – Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. М.-СПб.: Издательство РХГИ, 2000.
- Кларк 1966 – Кларк А. Черты будущего. М.: Мир, 1966.
- Конан Дойль 1966а – Конан Дойль А. Обряд дома Месгрейвов // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1966. Т. 2. С. 90–110.
- Конан Дойль 1966б – Конан Дойль А. Знак четырёх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 151–264.
- Конан Дойль 1966в – Конан Дойль А. Шесть Наполеонов // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1966. Т. 2. С. 411–432.
- Лосев 2000 – Лосев А. Ф. История Античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ, 2000.
- Масланов 2024 – Масланов Е. В. К вопросу о политической субъектности науки // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, № 3. С. 339–351.
- Мах 2000 – Мах Э. Популярные лекции по физике. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2001.
- Мелик-Гайказян 2016 – Мелик-Гайказян И. В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 92–103.
- Мелик-Гайказян 2022 – Мелик-Гайказян И. В. Об одной географической метафоре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 27–31. doi: 10.17223/1998863X/69/4
- Мелик-Гайказян 2023 – Мелик-Гайказян И. В. «Пост-нормальное» состояние науки: противостояние впечатлений измерениям // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 319–323. doi: 10.17223/1998863X/75/28
- Росс 2021 – Росс С. Наука Шерлока Холмса: методы знаменитого сыщика в расследовании преступлений прошлого и настоящего. М.: Эксмо, 2021.
- Савченко 2025 – Савченко И. А. Системные дихотомии современного этоса науки (к 115-летию Роберта Мертона) // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16, № 1. С. 74–90.

- Сибрук 1985 – Сибрук В. Роберт Вуд: современный чародей физической лаборатории. М.: Наука, 1985.
- Тихонова 2023 – Тихонова С. В. Праксис и дейксис научного гуманитарного исследования: в поисках новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 300–306. doi: 10.17223/1998863X/75/25
- Фрейд 2000 – Фрейд З. Психоанализ. Донецк: Сталкер, 2000. (Золотая библиотека психологии).
- Фуллер 2021 – Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Шибаршина 2023 – Шибаршина С. В. К проблеме использования символической власти научно-экспертного знания // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6, № 2. С. 102–117.
- Buchmann 2020 – Buchmann A. The mediatization of Sherlock Holmes: autoethnographic observations on literary and film tourism // The Routledge Companion to Media and Tourism / M. Mansson, A. Buchmann, C. Cassinger, L. Eskilsson (eds.). Milton: Routledge, 2020. P. 326–336.
- Bud 2018 – Bud R. Categorizing Science in Nineteenth and Early Twentieth-Century Britain // Basic and Applied Research: The Language of Science Policy in the Twentieth Century / D. Kaldewey, D. Schauz (eds.). New York, Oxford: Berghahn Books, 2018. P. 35–63.
- Carlizzi 2020 – Carlizzi G. Scientific Questions of Fact Between Free Evaluation of Evidence and Proof Beyond any Reasonable Doubt in the Criminal Trial // Quaestio Facti. International Journal on Evidential Legal Reasoning. 2020. Vol. 1. P. 133–176.
- Jasanoff 2015 – Jasanoff S. Future Imperfect: Science, Technology, and the Imaginations of Modernity // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S. Kim (eds.). Chicago: Chicago University Press, 2015. P. 1–33.
- McCaw 2020 – McCaw N. Sherlock Holmes and a Politics of Adaptation // Sherlock Holmes and Conan Doyle / S. Vanacker, C. Wynne (eds.). London: Palgrave Macmillan UK, 2020. P. 36–48.
- Naidu 2017 – Naidu S. Introduction // Sherlock Holmes in Context / S. Naidu (ed.). London: Palgrave Macmillan UK, 2017. P. 1–5.
- Sherman 2023 – Sherman S. The Polyopticon: a diagram for urban artificial intelligences // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 3. P. 1209–1222.
- Sismondo 2010 – Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Oxford: John Wiley & Sons, 2010.
- Ward, Orbell 1988 – Ward V., Orbell J. Sherlock Holmes as a Social Scientist // Political Science Teacher. 1988. Vol. 1 (1). P. 15–18.

REFERENCES

- Bacon, F. (1978). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes] (vol. 2). Mysl'.

- Bazhanov, V. A. (2022). Zaträgivaet li krizis vosproizvodimosti matematiku? [Does the reproducibility crisis affect mathematics?]. *Philosophy of Science and Technology*, 27(1), 70–83.
- Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Aleteiya.
- Buchmann, A. (2020). The mediatization of Sherlock Holmes: Autoethnographic observations on literary and film tourism. In M. Mansson, A. Buchmann, C. Cassinger, & L. Eskilsson (Eds.), *The Routledge Companion to Media and Tourism* (pp. 326–336). Routledge.
- Bud, R. (2018). Categorizing science in nineteenth and early twentieth-century Britain. In D. Kaldewey & D. Schauz (Eds.), *Basic and Applied Research: The Language of Science Policy in the Twentieth Century* (pp. 35–63). Berghahn Books.
- Carlizzi, G. (2020). Scientific questions of fact between free evaluation of evidence and proof beyond any reasonable doubt in the criminal trial. *Quaestio Facti: International Journal on Evidential Legal Reasoning*, 1, 133–176.
- Clark, A. C. (1966). *Cherty budushchego* [Profiles of the future]. Mir.
- Conan Doyle, A. (1966a). Obryad doma Mesgreyvov [The adventure of the Musgrave ritual]. In *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes] (vol. 2, pp. 90–110). Pravda.
- Conan Doyle, A. (1966b). Znak chetyrekh [The sign of the four]. In *Sobranie sochinenii: v 8 t.** [Collected works: In 8 volumes] (Vol. 1, pp. 151–264). Pravda. (Original work published 1890).
- Conan Doyle, A. (1966c). Shest' Napoleonov [The adventure of the six Napoleons]. In *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes] (Vol. 2, pp. 411–432). Pravda. (Original work published 1904).
- Freud, S. (2000). *Psikhoanaliz* [Psychoanalysis]. Stalker.
- Fuller, S. (2021). *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-truth: Knowledge as a power game]. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Hesse, H. (1994). Igra v biser [The glass bead game]. In *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes] (vol. 5, pp. 7–466). Progress–Litera.
- Jasanoff, S. (2015). Future imperfect: Science, technology, and the imaginations of modernity. In S. Jasanoff & S. Kim (Eds.), *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* (pp. 1–33). University of Chicago Press.
- Kasavin, I. T. (2000). *Traditsii i interpretatsii: Fragmenty istoricheskoi epistemologii* [Traditions and interpretations: Fragments of historical epistemology]. Russian Christian Humanitarian Institute.
- Losev, A. F. (2000). *Istoriya Antichnoi estetiki. Vysokaya klassika* [The history of classical aesthetics. The high classic period]. AST.
- Mach, E. (2001). *Populyarnye lektsii po fizike* [Popular scientific lectures on physics]. Regulyarnaya i Khaoticheskaya Dinamika.
- Maslanov, E. V. (2024). K voprosu o politicheskoi sub'ektnosti nauki [On the political subjectivity of science]. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 8(3), 339–351.

- McCaw, N. (2020). Sherlock Holmes and a politics of adaptation. In S. Vanacker & C. Wynne (Eds.), *Sherlock Holmes and Conan Doyle* (pp. 36–48). Palgrave Macmillan.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2016). Vavilonskaya bashnya – metafora o “semioticheskom attraktore” dinamiki Hi-Tech [The Tower of Babel – a metaphor for the “semiotic attractor” of Hi-Tech dynamics]. *Philosophy of Science and Technology*, 21(1), 92–103.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). About one geographical metaphor. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 69, 27–31. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/69/4>
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2023). A “post-normal” state of science: confrontation between impressions and measurements. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 319–323. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/28>
- Naidu, S. (2017). Introduction. In S. Naidu (Ed.), *Sherlock Holmes in Context* (pp. 1–5). Palgrave Macmillan.
- Ross, S. (2021). *Nauka Sherloka Kholmsa: metody znamenitogo synshchika v rassledovanii prestuplenii proshlogo i nastoyashchego* [The science of Sherlock Holmes: From basker street to the valley of the fear]. Eksmo.
- Savchenko, I. A. (2025). Sistemnye dikhotomii sovremennogo etosa nauki (k 115-letiyu Roberta Mertona) [Systemic dichotomies of the modern ethos of science (on the 115th anniversary of Robert Merton)]. *Sociology of Science and Technology*, 16(1), 74–90.
- Sherman, S. (2023). The polyopticon: A diagram for urban artificial intelligences. *AI & SOCIETY*, 38, 1209–1222. <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01340-8>
- Shibarshina, S. V. (2023). K probleme ispol'zovaniya simvolicheskoi vlasti nauchno-ekspertnogo znaniya [On the problem of using the symbolic power of scientific and expert knowledge]. *Digital Scholar: Philosopher's Laboratory*, 6(2), 102–117.
- Sibrook, W. (1985). *Robert Wood: sovremennyyi charodei fizicheskoi laboratorii* [Robert Wood: A modern wizard of the laboratory]. Nauka.
- Sismondo, S. (2010). *An introduction to science and technology studies* (2nd ed.). Wiley-Blackwell.
- Tikhonova, S. V. (2023). Praxis and deixis of scientific humanitarian research: in search of a new normality. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 300–306. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/25>
- Varkhotov, T. A. (2023). Non-conventional consent: How we still keep thinking together. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 313–318. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/27>
- Ward, V., & Orbell, J. (1988). Sherlock Holmes as a social scientist. *Political Science Teacher*, 1(1), 15–18.

- Wilson, R. W. (1979). Kosmicheskoe mikrovolnovoe fonovoe izluchenie [The cosmic microwave background radiation]. *Uspekhi Fizicheskikh Nauk*, 129(4), 595–613.
- Zharkov, E. A. (2020). Laboratoriya kak vnenakhodimaya sushchnost' [The laboratory as an ex-situ entity]. *Sociology of Science and Technology*, 11(4), 175–190. http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast10-1.2015.115.pdf

Материал поступил в редакцию 07.08.2025